

О конференции «XIII Кагановские чтения. Коммуникативные стратегии в современной художественной культуре»

Эта конференция состоялась в мае 2019 г. в Институте философии Санкт-Петербургского Государственного университета. Она была организована кафедрой культурологии, философии культуры и эстетики. Конференция посвящена обсуждению теоретического наследия Моисея Самойловича Кагана, яркого и самобытного представителя отечественной эстетики 1960–1990-х гг. Более 40 лет он посвятил укреплению статуса эстетики как фундаментальной философской дисциплины, много сделал для признания философским сообществом теоретической ценности эстетики. Его творческое развитие шло по пути расширения проблемно-концептуального поля — от филологии и искусствознания к эстетике, от эстетики к философии культуры, от нее к аксиологии и дальше к философии человека и метафизике бытия. Это движение отражено в научных трудах М.С. Кагана: «Морфология искусства» (1972), «Человеческая деятельность» (1975), «Эстетика как философская наука» (1997), «Мир общения: проблема межсубъектных отношений» (1988), «Философия культуры. Становление и развитие». (1995), «Философская теория ценностей» (1997), «Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в “волшебном зеркале” изобразительного искусства» (2003), «Введение в историю мировой культуры» (2003) «Метаморфозы бытия и небытия: онтология в системно-синергетическом осмыслении» (2006).

Другой особенностью научного мышления М.С. Кагана являлся постоянный интерес к методологическому самосознанию науки и особенностям эстетической рефлексии, что проявилось в его актуальных и вызывающих заинтересованные дискуссии многочисленных работах, посвященных системному подходу и синергетике. Интерес к проблемам методологии гуманитарного знания и междисциплинарным исследованиям всегда был сопряжен со стремлением внедрить общенаучные методы, как, например, системный или синергетический подходы, в конкретные области гуманитарных исследований — философию общения, эстетику, историю и теорию культуры, аксиологию.

Каждая из прошедших конференций «Кагановские чтения» посвящена актуальным проблемам гуманитарного знания, эстетики и философии культуры, вошедшим в круг научных интересов М.С. Кагана. Среди них: «Эстетика и эстетическое отношение: феномен и рефлексия», «Художественный хронотоп. Новые подходы», «Философские проблемы истории искусства», «Актуальные художественные практики и их теоретическое осмысление», «Философия образования и искусство». В 2019 г. темой Кагановских чтений стала проблема коммуникативных стратегий в современной художественной культуре.

Это связано с тем, что одной из значительных работ М.С. Кагана по теории культуры и эстетике была монография «Мир общения: проблема межсубъектных отношений» о диалогических отношениях в культуре и искусстве. Именно концепция искусства как общения, рождавшаяся в 1970–80-е гг. XX столетия, во многом отвечала культурным реалиям своего времени. С тех пор в бытии искусства и в культуре многое изменилось — соответственно изменилась философско-эстетическая рефлексия, появились новые подходы к осмыслению проблемы коммуникативных отношений. И сегодня важно понять, сохраняют ли свою теоретическую значимость идеи середины XX в. о смыслах диалога субъектов в культуре и искусстве или они уже не входят в пределы современных коммуникативных стратегий. Именно это составило основную тематику конференции.

Е.Н. Устюгова во вступительном докладе, посвященном анализу современного контекста восприятия концепции общения М.С. Кагана, подчеркнула его идею об уникальной роли искусства в моделировании общения как межсубъектного отношения. Главным качеством художественного общения Каган считал *со-участность* субъектов общения в их взаимной сотворческой деятельности. И сегодня является продуктивным различие понятий *общение* и *коммуникация*: Каган трактовал *коммуникацию* как взаимодействие сторон с целью обмена информацией, когда качества

субъектности не имеют значения. Е.Н. Устюгова отметила, что в понимании общения Каган следовал европейской традиции понимания общения как субъектно-субъектного отношения. В таком случае общение предстает как заряженный культурными смыслами диалог свободных субъектов, наделенных активностью, сознанием и самосознанием, направленный на взаимопонимание и дополнительность позиций. Именно в искусстве реализуются наиболее интенсивные и экзистенциально наполненные формы общения, предполагающее нравственную саморефлексию человека. И сегодня убедительным является вывод Кагана, что именно «в искусстве находит свою общественную форму объективации потребность человека в другом человеке и потребность человека в эмоциональном и духовном общении».

На протяжении пятидесяти лет, прошедших с момента написания книги М.С. Кагана, посвященной миру общения, культура, искусство и эстетическая рефлексия существенно изменились. Можно сказать, что сегодня *коммуникация* вытесняет *общение* из философско-эстетических исследований. И если в теории и современном культурном контексте понятия художественного образа и произведения, автора и реципиента, межличностного и культурно-смыслового диалога во многом потеснены или требуют переосмысления, что особенно значимо для массмедиальных и дигитальных практик, то именно внимание к диалогическим параметрам культуры, философско-антропологическому и этическому содержанию искусства способно поддерживать гуманистический потенциал человеческого существования. Книга М.С. Кагана «Мир общения» и другие его работы могут быть интересными собеседниками для всех, кто способен осмысливать и хранить классическое наследие эстетики и искусства.

В пленарных докладах на секции «Проблема художественной коммуникации в современной эстетической теории» были рассмотрены новые аспекты и ракурсы полилога обозначенных выше позиций. А.А. Грякалов в докладе «Эстезис и коммуникация: pro et contra» обратил внимание на необходимость расширения эстетической коммуникации за пределы интеракций: необходимо идти к свидетельствующим переживаниям, к установлению первичных переживаний и символических поименований. В произведении собрана и действует экономика субъективности: актуализирована пространственность — *топос*, соотносительность с топо-логикой и способным ее представлять утверждающим субъектом-свидетелем. В отсутствии идеального — *классического* — измерения в местах эстетического формируется субъективность как особого рода целостность-произведение. Эстетическое экзистенциально и персоналистски размещено в соотносительности поименований, встреч и схождения — из них способны исходить соответствующий *жизненный этос*. В этом смысле абсолютизация интеракций («разумность языка»), несомненно значимых, оказывается существенным упрощением бытия эстетического. «Жизнь может быть оправдана лишь как «эстетический феномен» (Ф. Ницше). Эстетическое «запускает» первичные «механизмы» в отношении к антропологическим, экзистенциальным и политическим стратегиям сборки субъекта и субъективности. Именно эстетическое препятствует возникновению метадискурса, давая возможность представлению автономных — *антропологических* — позиций в сфере объединяющих эстетик жизни и существования. Это рефлексия *топо-графики* и *топо-логики*, представленных в эстетической теории. Ведь при всем различии пониманий эстетическое сохраняет автономность и свободу даже в сопоставлении с этическим выбором, где действует предписание (Ф. Анкерсмит). Целостное действие эстетического разворачивается словно бы параллельно с философской рефлексией — эстетическое представляет собственный путь формирования субъективности и способно непосредственно представлять не только гетерогенность, множественность и региональность, но и целостное поименование бытия. Эстезис в отношении к коммуникативным практикам выступает как сфера первичной символизации, если угодно, сфера именуемого возникновения смысла в отношении чувственного мира. Исходный этимон — *эстезис* — обращает к объяснению и поименованию того, что изначально предстает как *след*. Это то, что *есть* и оставлено для расшифровки и понимания. Человеческая размерность и осмысленность принципиально зависят от того, что след-происшествие превращается в след-событие. Эстезис — чутье, схватывание, опознание, распознавание. Эстезис у А.Ф. Лосева укоренен в бытие — к этому следует прибавить темы *присутствия, настроенности ландшафта*,

события, вещиности, топоса и свидетельства. Соответственно, концептуальный персонаж (*homo aestheticus*) имеет не только реальные значащие очертания и семиотизированный — *коммуникативный* — «профиль», но обретает неисчерпаемый статус присутствия, выходит за пределы текста в топос произведения или личностное свидетельство. Так в дискурсивные практики возвращается *экзистенциальное* в новом облике свидетельства и утверждения. Эстетическое никогда не теряет связей с существованием и бытием — не растворяется «почти без остатка» в рефлексии. Тем самым удерживает мысль в ее актуальном предстоянии бытию. Сохраняет природное и предметное как *интимное*. Внимание к эстетической топологии позволяет актуализировать соответствующую традицию отечественной мысли, создавая возможность уточнять и устанавливать ее константы и приоритеты.

В докладе *Н.Н. Суворова* «Эстетика новизны» шла речь об эстетической онтологии художественной коммуникации, измеряемой эстетическими качествами, которые становятся показателями *новизны*. Эстетизм собирает воедино телесное и духовное, становясь ориентиром в поле неопределенности. Эстетическое не утрачивается в результате переоценки ценностей, а становится указателем аттракторов новизны развития и сообщения. Очевидность новизны выступает как разворот от привычного к потаённому бытию, расширяя коммуникативное пространство культуры. Входя в пространство присутствия, новизна меняет его координаты, изменяя эстетику коммуникации.

С.Б. Никонова отметила, что акт коммуникации несет в себе серьезный травматический опыт столкновения с *Другим*, преобразующий обе стороны коммуникативного процесса. В преобразении всегда заложен элемент уничтожения, столкновения, неизвестности. На этом основан парадокс эстетики, одновременно влекущей к разрушению имеющихся форм и требующей оформленности, подчиненности правилам, что является следствием субъективной способности суждения. Таким образом, чем в большей мере мир воспринимается как эстетический феномен, тем в меньшей мере он травматичен.

Далее в ходе обсуждения выступавшие, отмечая неизменность значения символической основы искусства как базисной основы эстетического творчества (*Б.А. Михалевиц*) и важность сочетания инновационной и консервативно-«космической» тенденций в художественной коммуникации, новаторского символического языка с нравственным самосознанием традиционной культуры (*Е.А. Трофимова*), сосредоточили внимание на изменении содержания субъектности в современной культуре. Современный субъект ищет в искусстве способ непосредственной действенной вовлеченности в эстетическое событие как форму жизнетворчества (*Л.Б. Капустина*), расширения границ чувственных аспектов восприятия через синтезирование сенсорных возможностей человека (*С.В. Конанчук*), производства ситуаций присутствия в эстетическом событии, например, в музейно-выставочной практике (*А.В. Балаш*), радикального обострения форм авторского художественного высказывания (*И.А. Алеевский*). Вместе с тем речь шла также и о том, что современная социальная и технологическая реальность ставит искусство перед необходимостью вовлечения в систему политических взаимодействий (*А.Ю. Ротман*) и цифровой трансформации арт-пространства, диктующей объективные правила визуального взаимодействия в искусстве (*Р.И. Джабраилов*).

Общую направленность обсуждения определяла мысль об изменении художественно-коммуникативных потребностей человека в сторону усиления значимости эстетической онтологии художественной коммуникации. Следует помнить о словах *Г.Г.Шпета*, определявшего эстетику как «формальную онтологию». При этом индивидуальная эстетическая способность восприятия преобладает над ценностно-смысловой социокультурной содержательностью.

Дискуссии на круглых столах шли вокруг проблем актуальных коммуникативных стратегий в современной художественной культуре. На круглом столе «Арт-кураторство как коммуникативная стратегия» были затронуты вопросы цели и реальной роли кураторской деятельности в формировании коммуникативного пространства современной культуры. Участниками дискуссии отмечалось нарастание влияния кураторской деятельности на коммуникативные процессы в художественной культу-

ре. В арт-кураторстве наметились две основные тенденции: одна продиктована характером современного искусства, идейная концептуализация которого преобладает над эстетической онтологией, вторая определяется запросами общества на актуализацию искусства контекстами его функционирования.

Каждая из этих тенденций таит в себе определенные опасности. Так, в русле первой тенденции определяется доминирующая роль *куратора* в организации коммуникативного процесса как автора и организатора взаимосвязи искусства и публики в рамках визуализированной философской концепции (*М.В. Бирюкова*). Искусство, перестав воспроизводить форму искусства, стало исследовательским, «интеллектуализировалось», а эстетическое наслаждение как главный критерий уступило место интеллектуальному усилию. Куратор, встраивая концепты в контекст выставки, создает метанарратив, в котором искусство обнажает исследовательскую функцию по отношению к территории исследования (*А.В. Сулимов*). Так куратор превращается в могущественную фигуру, способную диктовать концепцию и формат восприятия самих художественных произведений, определять их прагматическую ценность. Собственное высказывание куратора, вписывающее произведение в определенный концептуальный ряд, лишает отдельное произведение искусства автономии, и тем самым изменяет порядок его восприятия (*А.О. Сорокина*). Именно институт кураторства берет на себя функцию управления потоками текущей материальности и конструирования новых форм из неоформленного потока отношений, ситуаций и культурных кодов, на свой вкус выхватывая «нечто значимое» (*А.А. Кириллов*). Таким образом, куратор, призванный организовывать связь публики и искусства, формирует пространство художественной коммуникации либо с субъективно-произвольных позиций, либо прибегая к практике интерактивного показа искусства, провокативных методик, игрового характера кураторских проектов, вовлекающих зрителей в двухстороннюю коммуникацию, в которой возможно личностное общение с произведением искусства (*Н.С. Буглак*). Куратор, став организатором культурных практик медиации, превращается из искусствоведа и критика в визуального антрополога и аналитика культуры, деятеля индустрии сознания, а продукт арт-кураторства приобрел статус самостоятельного медиума (*А.В. Венкова*).

Другая тенденция арт-кураторства проявляется в актуализации публичного функционирования бытия искусства. Как отметил в докладе *В.В. Савчук*, деятельность современных арт-кураторов, направленная на введение искусства в контекст социальной актуальности и повседневности, программирует восприятие публики в заданном русле визуальности, но не сотворчества. Самоопределение искусства только в границах хронотопа настоящего ставит его смысловой и эстетический потенциал в зависимость от способностей публики воспринимать заданную кураторами интерпретацию художественно-эстетических смыслов в актуальном контексте. Тем самым, деятельность куратора, вместо того, чтобы открывать и возвращать новые возможности коммуникации, обедняет эмоционально-личностный потенциал восприятия и препятствует приращению художественного текста как со-общения. Так, сообщество становится главным инструментом кураторства, постепенно вытесняя фигуру художника-творца (*В.М. Гомонова*). На фоне господства информационного изобилия, нарастающего потока медийных фейков, заполняющих сознание сообщества, любое взаимодействие готово перейти в формат перманентного медийного шоу. При этом следует признать, что в фейке отражены, пусть и в искаженной форме, желания, стремления, надежды сообщества. Ярким примером фиктивности некоторых событий стал 700-часовой фильм *И. Хржановского «Дау»*. Невозможность его традиционного проката потребовала вмешательства кураторов, задача которых в данном случае состояла именно в том, чтобы создать информационный общественный резонанс вокруг произведения, которое невозможно увидеть и оценить (*Д.А. Поликарпова*). В этой ситуации предельную важность приобретает вопрос о формировании доверия к медийно-коммуникативной продукции, что ставит перед деятельностью арт-куратора вопрос о социальной и этической ответственности (*К.А. Очеретяный*).

Таким образом, участники круглого стола, соглашаясь с тем, что арт-кураторство стало неотъемлемой составляющей коммуникативных процессов в современной художественной культуре, обратили внимание на необходимость критического анали-

за этой деятельности с целью нивелирования порождаемого ею негативного влияния на природу и ценность художественного процесса.

Дискуссия на круглом столе «Художественная коммуникация в городской среде» шла в основном вокруг проблемы противоречия между диктуемыми социумом формами организации городской жизни и потребностями человека в эстетической самореализации. С одной стороны, городская среда, являющаяся пространством повседневной жизни человека, наиболее связана с ним практически и эмоционально, а значит, расположена к свободному активному взаимодействию, с другой стороны — городская культурная политика находится в зоне наибольшего контроля властей и институтов культуры, которые стимулируют досуговые и средовые эстетические проекты, диктующие формы коммуникации с ориентацией на массовые потребительские запросы. Патерналистская опека со стороны институтов социального управления городской культурой насаждает стандарты вкусов и поведения, приучая горожан к потребительским стереотипам (А.В. Бабаева). Преобладание социальной прагматики приводит к разрушению целостности традиций развития духовной среды города, стиранию культурной памяти, трансформации культурных смыслов в муляжи или попури, нивелированию экзистенциальной коммуникации (Ан.И. Резвухина, Р.Р. Щекотова).

Вместе с тем в последнее время наблюдается активизация инициатив жителей по освобождению городской среды от чрезмерной социальной заорганизованности. Это касается как выступлений в защиту исторических памятников, так и стихийного индивидуального творческого самовыражения и вовлечения человека в социальные проекты (Е.В. Панкина), участия в таких формах коммуникации, как городские праздники и фестивали (М.Н. Могилевич). Параллельно, а иногда и вопреки контролю социума развиваются полилогичные формы коммуникации, такие, как уличное искусство: граффити, хип-хоп — об этом говорили в своих выступлениях А.Ю. Тылик и А.О. Царев.

Большое значение в трансформации анонимной и контролирующей коммуникации имеет сфера арт-практик, которые в условиях повсеместной цифровизации городской реальности «обживают обстоятельства», превращая цифровые медиа в место встречи (Л.Ю. Яковлева). В отличие от безличной декоративизации среды города художественное проектирование дает возможность осмысленного дифференцированного подхода к отдельным объектам и ситуациям, что переводит коммуникацию в режим межсубъектного общения, свободного выбора, смысловой неоднозначности. Это касается выявления и создания форм компромисса между локальными и глобальными контекстами (А.В. Николаев), создания продуманного эстетического и смыслового пересечения исторического и современного (Ан.И. Резвухина), экологического и эстетического (Е.В. Баркова) культурных контекстов.

Таким образом, именно художественные формы во многом создают возможность полноценной коммуникации личности с городской средой, активизируя стремление человека к свободной и активной творческой самореализации в контексте разнообразия и взаимного пересечения культурных смыслов.

Обобщая ход обсуждения на конференции, можно видеть определенное рассогласование между теоретической эстетикой и реальными практиками арт-кураторства и коммуникации в городской среде. Суть этого расхождения видится в том, что теоретики говорят о нарастании в современной художественной коммуникации тенденции к усилению эстетической онтологии и эстетической чувственности, а практики идут по пути расширения способов управления художественно-коммуникативными процессами. Эта ситуация ставит вопросы перед теоретиками и практиками, обращая внимание на необходимость творческого пересмотра известных стратегий и ответственного утверждения гуманистических перспектив эстетической коммуникации.

А.А. Грякалов, Т.Н. Кетова, Е.Н. Устюгова
(Санкт-Петербург)

Грякалов Алексей Алексеевич — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 191186, набережная реки Мойки, д.48.

Доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

alexalgr@mail.ru

Кетова Татьяна Николаевна — Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова, Санкт-Петербург, 197022, ул. Льва Толстого, д. 6–8.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и биоэтики Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова.

tatiana.ketova@gmail.com

Устюгова Елена Николаевна — Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия, д. 5.

Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики СПбГУ.

elena.ust@gmail.com

Gryakalov Alexey A. — Herzen State Pedagogical University of Russia, 5, Moyka embarkment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor at Department of the Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia.

alexalgr@mail.ru

Ketova Tatiana N. — Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, 6–8, L'va Tolstogo str., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation.

CSc in Philosophy, Assistant Professor at Department of Philosophy and Bioethics, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University.

tatiana.ketova@gmail.com

Ustiugova Elena N. — Institute of Philosophy, St-Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor at Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics at SPBU.

elena.ust@gmail.com

DOI: 10.31857/S004287440007366-7